

УДК 378+930

DOI 10.24147/2312-1300.2024.11(4).46-51

В. Б. Шепелева

СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ К. Н. ТАРНОВСКОГО

В контексте постнеклассики рассматривается неудовлетворительная ситуация в системе исторического образования в условиях оттепели по материалам дискуссии советских историков, в центре внимания которой оказались вопросы подготовки научно-педагогических кадров. Обобщением наработок по проблеме занимался К. Н. Тарновский – историк, учёный и педагог. Помимо критики негативных сторон историко-образовательной реальности, он предложил свои варианты решения выявленных задач. Показывается глубокая комплиментарность идей К. Н. Тарновского требованиям советского проекта, а историческая наука обнаруживает себя как существенное средство национальной безопасности.

Ключевые слова: научно-педагогические работники; Совещание историков; история; историческое образование; вызов времени; эпоха осознанной необходимости; ответственность историков.

Объективно Советская Россия открыла миру эпоху осознанной необходимости, ибо совершила прорыв к ней самым фактом инверсионного Октября с его ставкой на субъектность: государства, в пределе – каждого члена общества (см. ленинскую дискуссию с Н. Сухановым)¹. Но плодотворная, творческая субъектность без знаний, образования, работы на становление самосознания человека, народа невозможна. И ленинская концепция нэпа в этой связи далеко не случайно включала как непрременную составляющую эпоху культурничества.

То есть у самых истоков советского проекта была заложена школа и в переносном, и в прямом смысле слова. Ибо, как отмечал В. И. Ленин, «мы сильны сознательностью масс» – и не иначе². При этом у большевиков в борьбе за умы и сердца людей была существенная фора. А Тойнби подчёркивал, что с Октября 1917 г. Россия «бросила Вызов Западу, которого он не знал со времён второй оттоманской осады Вены... С 1917 года, Запад начал обороняться от идеологического контрнаступления». Причём «искусное побивание коммунистической Россией Запада его же оружием³ явилось зрелищем, весьма впечатляющим»⁴. Таким было начало идеологической битвы советской системы

и Западного мира; битвы, в которой СССР на исходе XX в. проиграл... (причём не по причине слабости *советской идеи*, силе воздействия которой на мир поражался до конца жизни её критик – Ф. Фюре⁵).

Но так или иначе, а эпоха осознанной необходимости ныне – реальность. А это ставка на человека, борьба за которого стала всеопределяющей; эпоха по необходимости антропоцентрична⁶. Отсюда очевидная значимость системы образования, исторического – особенно.

При всех неоднозначных оценках XX съезда КПСС оттепели⁷ несомненно позитивное проявление её в судьбах отечественной исторической науки. О степени раскрепощения мысли, свободы обсуждения научных проблем можно судить и по широким дискуссиям новонаправленцев⁸, и по изданию в начале 1960-х гг. двухтомника «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (см. т. 1), и по работе Всесоюзного совещания историков 1962 г. (декабрь), к чему был непосредственно причастен К. Н. Тарновский⁹. О том же свидетельствуют статья, предваряющая издание двухтомника, и статья, резюмирующая ход работы Совещания, – обе без указания авторства, а фактически – статьи К. Н. Тарновского, что

ещё в 1990 г. зафиксировали В. А. Емец и В. В. Шелохаев¹⁰.

Историографическая ситуация позволяет признать, что трёхуровневая система подготовки преподавателей истории в разработках К. Н. Тарновского в контексте постнеклассики до сих пор предметом исследования не была, что и предопределило тему предлагаемой работы¹¹.

В личном фонде К. Н. Тарновского сохранилась рукопись второй из упомянутых статей под иным названием («О совещании историков»), иного – большего – объёма (46 л.), несколько иного содержания по сравнению с опубликованным вариантом¹². В обоих текстах была заявлена принципиальная позиция неприемлемости историка как «коммент/атора и иллюстр/атора... высказываний» политического лидера; подмены «партийности исторической науки»¹³ «конъюнктурщиной», подавлением «новых мыслей... догматизмом, цитатничеством»; неприемлемости «обстановки администрирования и... недобросовестной критики»¹⁴.

И потому, в частности, К. Н. Тарновский настаивает на необходимости «повысить роль научной общественности в руководстве наукой», на постепенной передаче некоторых функций администрации научным коллективам, притом что «контроль масс и коллективное руководство – самое главное для успешности любого дела»¹⁵. Но заметим: контроль масс, коллективное руководство, самоуправление – это из существенных политико-управленческих принципов советского проекта.

На упомянутом Совещании историков центральное место занимали вопросы «улучшения подготовки научно-педагогических кадров в области истории», поскольку исходить приходилось из признания «неудовлетворительности системы исторического высшего образования» – главного средства «повышения качества преподавания истории во всех... звеньях». А это проблема и культуры, и сознания народа, и жизнестойкости его в условиях холодной войны, это впрямую вопрос национальной безопасности¹⁶. При этом К. Н. Тарновским подчёркивалось как безусловное, что научно-исследовательская работа историков – «первостепенное и главное на историческом фронте»¹⁷.

В этой связи заметим: вполне логично напрашивается вопрос относительно продуманности сегодня бакалавриатского (как бы заниженно-техникумовского) варианта подготовки историков в университете. Но: «...вопрос о коренном подъёме... исторической науки и исторического образования... решается *уровнем подготовки кадров*»¹⁸.

Среди собственно образовательных проблем в архивной статье отмечается «многопредметность учебных планов» при «многократном дублировании материала»¹⁹, «преобладании лекционных занятий над практическими», что в итоге «чрезвычайно суживает возможности для самостоятельной работы студентов», ведёт «к культивированию догматизма, начётничества» (студенты «только начинены фактами и конечными выводами науки») ²⁰, тогда как главное – «умел бы студент анализировать и обобщать» полученную и добытую им информацию, причём «в свете исторического материализма», умел бы «связывать... воспринятое с жизнью»²¹, со всей своей общественно-политической деятельностью» (и не меньше (!) – «поэтом можешь ты не быть, но гражданином...» и т. д.; здесь, по существу, обнаруживается у автора сквозная для Руси – России методология идеализма, чем пронизана русская религиозно-философская мысль, русская литература, искусство, чему фактически комплиментарен марксизм). Но это – должное. А пока, по словам К. Н. Тарновского, «вряд ли мы можем думать, что /выпускники/ будут настоящими последователями исторического материализма... марксистами... в полном смысле»²².

Кстати, академик Б. А. Рыбаков в 1964 г. отмечал: «...преподавание общественных наук... ведётся совершенно не так, как должно быть... Студент, после окончания университета... знает, что есть определённые книги, есть определённый круг идей, дальше которых он не должен заглядывать, иначе он рискует... И это уже с первого курса начинает влиять на психологию студента»²³, формируя, добавим, линейное видение исторической реальности и... конформизм (при том, что конформизм – это психический механизм «рыночного социального характера», по Э. Фромму; см. проблему будущей советской катастрофы)²⁴. При этом речь у академика и об оттепели. Не случайно К. Н. Тарновский

полагал необходимым введение в вузовскую программу курса по методологии истории²⁵.

Поясним, К. Н. Тарновский настаивал: «Важнейшее значение для развития исторической науки имеет разработка методологии истории, вопросы теории, диктуемые современной жизнью... Историки должны научиться... развивать теорию. Без этого невозможно успешное движение... вперёд». А между тем перед исторической наукой «стоят... великие задачи... соответствующие... движению человечества к коммунизму» – в этом он был убеждён²⁶. Убеждён в силу укоренённости у коммунистов духовного склада упомянутой выше методологии идеал-реализма. Не случайно, по словам В. А. Твардовской, «возглавляемое ими (К. Н. Тарновским и В. П. Даниловым) партбюро Ин-та истории АН СССР так и осталось самым необычным и по составу, и по делам. Ни до, ни после такого партбюро не было и быть не могло»²⁷, хотя заметим: должно было быть в принципе (см. в подтверждение слов В. А. Твардовской стенограмму отчётно-выборного партсобрания Института истории от 10 декабря 1966 г.²⁸, особенно доклад В. П. Данилова, выступления З. В. Удальцовой, А. Матюгина, Э. А. Желубовской, М. Я. Гефтера)²⁹.

Совещание в основном поддержало изложенные выше положения, но автор, кроме того, выступая за «сужение цикла обязательных... лекционных курсов», высказался за расширение круга «факультативных и специальных курсов по выбору» («они сейчас почти не читаются... /хотя это/ и расширение общего кругозора... и углубление профессиональной подготовки по специальности³⁰»), выступил он за «усиление... вспомогательных исторических дисциплин, в первую очередь историографии и источниковедения...»³¹, за «расширение производственной практики», которая кроме археологии, музеев, архивов включала «преподавание и политико-воспитательную работу в школах, техникумах, педучилищах». Всё это «при резком повышении требовательности к студентам» – одно из «действенных средств воспитания»³².

По общим лекционным курсам К. Н. Тарновский уточняет, что просто урезание часов, появление «конспективных схематических построений... пересказывающ/их... учебник... ничего, кроме вреда, не принесёт»³³.

Общий курс «должен стать проблемным... индивидуальным, т. е. учитывать не только результаты новейших исследований, но и собственные научные интересы лектора»³⁴.

Константин Николаевич, правда, говорил и о возможности «параллельного чтения курсов 2–3 лекторами» при «свободном выборе» студентов³⁵. Но это и в советские времена было бы весьма затруднительно (сам автор отмечал нехватку преподавателей по истории³⁶) да и сомнительно в принципе; особенно на сегодня, учитывая едва ли не пандемию конформизма и утилитаризма в обществе, тонущем в океане неадекватной информации, манипулятивных средств и технологий по овладению сознанием, при невероятной теоретико-методологической сумятице, катастрофичности с опорными точками для мировосприятия, восприятия человека.

Как «чрезвычайно важную» для повышения уровня исторического образования К. Н. Тарновский ставил задачу наладить «публикацию общих, специальных и факультативных курсов», особенно для вечерников и заочников³⁷. Была обозначена проблема прямого сотрудничества «крупных учёных и преподавателей вузов» с «учительством... на общественных началах» с учётом удачного опыта Института истории и истфака МГУ и предложением привлечь возможности общества «Знание», Учпедгиза и предполагаемого Всесоюзного общества историков³⁸.

Многое из приведённого в тексте рукописи автора для сегодня хорошая «дорожная карта». Не случайно Н. А. Иванова, известный историк, ученица К. Н. Тарновского, пишет о его «недюжинных педагогических способностях», которые, «к сожалению, не удалось полностью реализовать»³⁹. Но так или иначе, а будущий лидер «нового направления» проанализировал и проблему подготовки всей цепочки педагогических кадров от учителей до кандидатов и докторов наук (что требует отдельного исследования), проработав вопрос о методах подготовки. Он был убеждён, что в новую эпоху предельно «велика ответственность историков перед обществом»⁴⁰. И если самому К. Н. Тарновскому было присуще «это святое чувство... всех лучших людей... поколения победителей» («за всё на свете я отвечаю головой»), то сегодня, в условиях общепланетарной

сверхпандемии атомизации народов, людей, историческое знание обретает остро экзистенциальное звучание, обнаруживает себя как средство национальной безопасности, а в итоге – безопасности планетарной⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Госполитиздат, 1967. – Т. 45. – С. 378–382.

² Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений... Т. 35. С. 21. Несколько позднее у А. Дж. Тойнби находим: «Неосознанный и невольный путь ангелов и социальных насекомых – это не путь людей». См.: Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М. : Айрис-пресс, 2003. – С. 257.

³ Здесь речь о марксизме как теории, порождённой Западом, но сделавшей карьеру в России. И не случайно, но в силу резонансности существенных моментов его культурному коду русских. См.: Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 121–154; Федотов Г. П. Судьба и грехи России [избр. ст.] : в 2 т. – СПб. : София, 1991. – Т. 1. – 350 с.; Степун Ф. А. Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянская философия, интеллигенция // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). – СПб. : Изд-во СП «Ганза», 1993. – С. 338–340; Панарин А. С. Народ без элиты. – М. : Алгоритм, 2006. – С. 135–189, 338–342, 346–347.

⁴ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 220, 221, 210.

⁵ Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. – М. : Феникс, 1992. – Т. 2. – С. 155–165; Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. – М. : Ad marginem, 1998. – С. 10, 11, 13, 15, 17–50, 78–79, 82–91, 97–98, 104–107, 117–119, 128–132. Об этом активно писал сам автор статьи в диссертации: Шепелева В. Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. (вопросы теории, методологии, историографии) : дис. ... д-ра ист. наук. – Тюмень, 2013. – С. 155–165.

⁶ Шепелева В. Б. Православная антропология и исторический вызов новейшего времени // Религия, человек, общество : тез. Междунар. науч. религиовед. конгресса. – Курган : Курган. гос. ун-т, 1998. – Ч. 2. – С. 117–119; Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – М. : Паломник, 2001. – С. 88.

⁷ См. работы Е. Ю. Спицына, Ю. Н. Жукова, В. В. Кожина.

⁸ «Новое направление» в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. сформировалось в 1960-е гг. на основе школы А. Л. Сидорова.

⁹ До конца 1950-х гг. он – доцент, замдекана истфака МГУ. См.: Тарновский К. Н. Автобиография // Не отступая, быть самим собой: к 100-летию со дня рождения К. Н. Тарновского : сб. ст. и воспоминаний. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2021. – С. 338.

¹⁰ Изучение истории СССР между XX и XXII съездами КПСС // История СССР. – 1961. – № 5. – С. 3–31; Изучение отечественной истории – на уровень задач современности // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 3–22; Емец В. А., Шелохаев В. В. Творческий путь К. Н. Тарновского // Исторические записки. – М., 1990. – Т. 118. – С. 201–232; Емец В. А., Шелохаев В. В. Творческий путь К. Н. Тарновского // Не отступая, быть самим собой... С. 11–25.

¹¹ Пыжиков А. В. Реформирование системы образования СССР в период «оттепели» (1953 – 1964 гг.) // Вопросы истории. – 2004. – № 10. – С. 26–39; Иценко В. А., Перковская Г. А., Топчиева В. И., Ушмаева К. А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI вв. – Ставрополь : ИПК Ставропол. гос. ун-та, 2005. – 383 с.; Ушмаева К. А. Высшее историческое образование в России (20–90-е годы XX века). – Ставрополь : Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2008. – 449 с.; Чемоданова Т. В. Государственная политика в сфере школьного обществоведческого образования в 1920-х – начале 1930-х годов : дис. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2010. – 208 с.; Пенелина Н. И. Эволюционные процессы в советском школьном историческом образовании 1920–1930-х годов : дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. – 215 с.

¹² Центральный Московский архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС). Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–6, 12.

¹³ Для автора – это объективность, высшее проявление объективности. См.: Изучение отечественной истории – на уровень задач современности... С. 4.

¹⁴ Изучение отечественной истории – на уровень задач современности... С. 4; ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 2–4. Кстати, относительно культа личности И. В. Сталина К. Н. Тарновский подчёркивал, что «опыт ошибок тоже очень важен» (см.: ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 41–42). В журнальной статье, со ссылкой на Б. Н. Пономарёва, отмечается, что Н. С. Хрущёв был против «дэгтемазов» (см.: Изучение отечественной истории – на уровень задач современности... С. 4–5).

¹⁵ ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–4, 16, 35; Изучение отечественной истории – на уровень задач современности... С. 4, 12–13, 22.

¹⁶ Что закономерно вытекает из самой инверсионной концепции советского проекта.

¹⁷ Изучение отечественной истории – на уровень задач современности... С. 5.

¹⁸ Там же. С. 15, 17.

¹⁹ Здесь достаточно сослаться на курсы «История СССР» и «История КПСС» в советских вузах и актуальность обозначенной проблемы сегодня: некое «растворение» базовых курсов («История России») многопредметностью ныне налицо на истфаках (сегодня – на мультифакультетах, вопреки установкам на укрепление исторического образования).

²⁰ Увы, нам бы сегодня для начала начинённость студентов объективными фактами и выводами науки... Затем (через предварительное знакомство с установками новейшей познавательной парадигмы) в контексте неё сопоставлять и анализировать базовую лекционную и получаемую из иных источников информацию по учебному курсу. И в этих аспектах современная ситуация гораздо сложнее, чем пусть с нередко искажёнными марксистскими диаматом и истматом постсталинских времён. В конце концов в советское время факт (пусть и с деформациями) – «общая методологическая основа, общая марксистско-ленинская концепция исторического развития» (см.: *Иванова Н. А.* Воспоминания // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2002. – С. 119–123). Ныне – плюрализм, когда даже относительно одного конкретного явления хаос и терминологический, и содержательный.

²¹ Ныне – это острейшая проблема, требующая гораздо большего объёма времени и для лекций, и для обучения аналитике, дискуссии вопреки «клиповому мышлению», о чём в 1960-е гг. и не подозревали.

²² Упоминались искусство, методы обработки статистики (см.: ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 9–10).

²³ История и социология. – М.: Наука, 1964. – С. 62.

²⁴ *Фромм Э.* Человек для себя. – Минск: Коллегиум, 1992. – С. 64, 67–73.

²⁵ ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 89. Л. 2; Ф. 157. Оп. 1. Д. 73, Л. 6–7.

²⁶ ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 40; Изучение истории СССР между XX и XXII съездами КПСС... С. 6.

²⁷ *Твардовская В. А.* К. Тарновский в моей памяти // Не отступая, быть самим собой... С. 37.

²⁸ Там же. С. 34–40.

²⁹ Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ). Ф. 211. Оп. 2. К. 13. Д. 97.

³⁰ Там же. Л. 11–31, 46–58.

³¹ С рубежа 1960–70-х гг. для советских историков это звучит непривычно, но так в архивном тексте и не единожды (см.: ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 7; Ф. 157. Оп. 1. Д. 89. Л. 2). Правда, в опубликованном варианте «микста» историографии с ВИДа́ми нет (см.: Изучение истории СССР между XX и XXII съездами КПСС... С. 16).

³² ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–8, 10.

³³ И что – увы – распространившаяся реальность, особенно с переходом на «болонскую систему».

³⁴ Все преобразования К. Н. Тарновский предполагал пропустить через апробацию с тщательным изучением результатов новой практики (см.: ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 623. Л. 7–8).

³⁵ ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 17.

³⁷ Там же. Л. 11.

³⁸ Там же. Л. 11, 13–16.

³⁹ *Иванова Н. А.* На взлёте: Воспоминания // Не отступая, быть самим собой... С. 43–44; *Емец В. А., Шелохаев В. В.* Творческий путь К. Н. Тарновского // Не отступая, быть самим собой... С. 12.

⁴⁰ ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62. Л. 40; Изучение истории СССР между XX и XXII съездами КПСС... С. 22.

⁴¹ *Симонова М. С.* О К. Н. Тарновском // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время... С. 22; *Симонова М. С.* Воспоминания // Там же. С. 107–119; ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. К. 13. Д. 97. Л. 57.

Сведения об авторе

Шепелева Валентина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, социологии и политологии факультета истории, теологии и международных отношений

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: vshepel@rambler.ru

РИНЦ SPIN-код: 5009-7990, Author ID: 220208

Информация о статье

Дата поступления
20 февраля 2024 г.

Дата принятия в печать
7 октября 2024 г.

Для цитирования

Шепелева В. Б. Сюжет из истории советского исторического образования и разработки К. Н. Тарновского // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 4 (44). С. 46–51. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(4).46-51.

STORY FROM THE HISTORY OF SOVIET HISTORICAL EDUCATION AND DEVELOPMENTS BY K.N. TARNOVSKY

The difficult situation in the system of Soviet historical education in the conditions of the "ottepel" is considered in the context of post-non-classics. His inconsistency with his social role was actually officially recognized in the early 1960s. Objectively, this is an alarming sign for the Soviet project with its emphasis on subjectivity. The problem was brought up for wide discussion by the professional community. The focus was on the issues of training pedagogical and scientific-pedagogical personnel. K.N. Tarnovsky, one of the brightest representatives of the A.L. school, was engaged in generalization of developments on the problem. Sidorova, then a "new direction" in Soviet historical science, a talented university teacher from a family of teachers, a front-line soldier, a highly spiritual personality with all the drama of fate. In addition to the impartial and open criticism of the negative sides of the historical and educational reality, he offered his own solutions to the identified problems, the system and methods of training teachers and scientific and pedagogical staff. In the process of analytical comprehension of these developments, both the acute relevance of a number of them for the Soviet era and for modernity (problems of worldview, citizenship) and the dubiousness, especially today, of some of his overstated recommendations are revealed. But the main thing that follows from the analysis of K.N. Tarnovsky's texts is that his ideas are objectively deeply appropriate to the requirements of post-non-classics, faith in man, in the great task and responsibility of history in the life of society, especially in the era of conscious necessity, opened to the world by the Soviet project. Historical science, history as an educational discipline, is now revealing itself as an essential means of national security, and as a result, planetary security, which was read in the developments of the historian-teacher.

Keywords: scientific and pedagogical staff; Meeting of historians; history; historical education; challenge of time; era of conscious necessity; responsibility of historians.

About the author

Valentina B. Shepeleva – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Sociology and Political Science

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: vshepel@rambler.ru

RSCI SPIN-code: 5009-7990, Author ID: 220208

Article info

Received
February 20, 2024

Accepted
October 7, 2024

For citations

Shepeleva V.B. Story from the History of Soviet Historical Education and Developments by K.N. Tarnovsky. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2024, vol. 11, no. 4 (44), pp. 46-51. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(4).46-51 (in Russian).